Н.В. Тузов,
кандидат исторических наук

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО РОССИИ: К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ ИЗУЧЕНИЯ

В России издавна существовали направления в общественной, политической, художественной и других областях познания, связанные с изучением человека, общества и государства. Отдельные века представлены крупными фигурами мыслителей и просветителей, однако их деятельность ограничивалась известными рамками царской власти. Такое положение Л.А. Тихомиров определял как «недостаток сознательности» и отмечал, что в политике древняя Россия выработала общую идею самодержавного царя, имеющего неограниченную (исключая религиозную сферу) власть, обладающего династийными правами, но далее политическая мысль не продвинулась. «Этими и тому подобными представлениями ограничивалась наша политическая философия. Но этого недостаточно: нужно знать, чем сохраняется такая власть, каковы удобнейшие способы ее действий, каковы удобнейшие отношения подданных к верховной власти и граждан к правительству, каковы права граждан и личности и т. д. Ничего этого у нас не разбиралось, не определялось сознанием», – с сожалением отмечал Тихомиров.

Первые серьезные разработки в связи с перестройкой государственного устройства и проживающих в империи народов связаны с именами декабристов. П.И. Пестель, М.П. Бестужев-Рюмин, Н.М. Муравьев имели разработанные конституции или теории для новой России. Подробно вопрос о будущем обустройстве государства был рассмотрен в «Русской Правде» Пестеля.

Следует отметить что, генезис «политического учения» уходит корнями в середину XIX в. Достаточно назвать такие фамилии, как М.М. Сперанский, И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Муравьев-Амурский, А.С. Хомяков, М.Н. Катков, И.В. Киреевский, А.И. Герцен и другие, которые оставили яркий след в истории российской общественной мысли. Как правило, из наиболее крупных ученых-историков того времени называют С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. Тогда же стали появляться работы, в которых исследовались тенденции развития народов, специфические черты их образа жизни, поведения, религии – т. е. все, что может быть соотнесено с этнической стороной жизни общества.

Этнический фактор является важным элементом системообразующих социальных связей и отношений, которые исторически сложились в территориальном и социальном пространстве и консолидируют социальные элементы. Характер отношений (связей) между составляющими общность элементами (субэтносы, индивидуумы и т. п.) мог быть разным, в зависимости от сферы соприкасающихся интересов.

Воздействие этнического фактора на мировоззрение социальных групп следует начинать с рассмотрения семьи, которая является ядром общества. Более того, «образ жизни, обусловленный особенностями экономической системы, превращается в основополагающий фактор, определяющий характер человека, ибо властная потребность самосохранения вынуждает его принять условия, в которых ему приходится жить. Это вовсе не значит, что он не может стремиться вместе с другими к каким-то экономическим и политическим переменам; но первоначально его личность формируется определенным образом жизни, поскольку семья всегда имеет характерные признаки своего общества или класса...»[1] Поскольку общество состоит из индивидов, семей и различных групп, принадлежащих разным этническим и религиозным группам, то все они взаимопереплетены во всех отношениях: социальном, политическом, культурном.

В начале XX в. вышел ряд трудов по общему анализу ситуации в стране, особенно актуальных в свете имевших место событий: назревание и ход русско-японской войны, созыв Государственной думы, брожение на национальных окраинах и др.[2] Спецификой этого периода было углубленное изучение народов, населявших Российскую империю, их истории, культуры, быта[3]. Революционные процессы вызвали новые изыскания, теперь уже со стороны социалистов.

Традиции изучения этносов продолжали сохраняться в первые годы после революции, только теперь речь шла о «переустройстве быта на социалистических началах»[4]. Тяжелая Гражданская война, захватившая национальные окраины, определила обостренный интерес новой власти в изучении юга страны и прилегающих стран. Характерной чертой для науки того и последующих периодов было изучение народов и компонентов их культуры с точки зрения классического эволюционизма.

---

[1] *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1989. С. 25.

[2] См.: *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911; *Кульчицкий (Мозовецкий) К.* Автономия и федерация в современных конституционных государствах. М., 1907; *Драгоманов М.П.* Великорусский интернационализм и польско-украинский вопрос. Казань, 1907 и др.

[3] См.: *Семенов А.А.* Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.

[4] *Лашук Л.П.* Введение в историческую социологию. М., 1977.

Можно выделить два уровня в самоидентификации народов Средней Азии и Кавказа; первый уровень этнический (все они – представители своих народов), а также конфессиональный (принадлежат одной умме). На втором уровне наличествует осознание субэтнических (тейповых, жузовых, родовых и иных) различий. Он связан с социально-клановой организацией общества. Это уровень субэтнических взаимоотношений, где семейно-родственные связи сохраняются во многом в первозданном виде.

Несмотря на определенные успехи советской власти в формировании национального самосознания, которое должно было заменить «родовое», среднеазиатские и кавказские народы в значительной степени сохраняли приверженность к семейно-родственным, субэтническим интересам, что вообще присуще традиционным восточным обществам. Поэтому было бы интересно проследить, в какой степени советская бюрократическая иерархия совпадала с традиционной. Следует подчеркнуть, что на уровне бюрократии сохранение субэтнической дифференциации прослеживалось даже в большей степени, чем в массах, и это также влияло на социально-политическую ситуацию в национальных регионах.

Сохранению же субэтнического самосознания в годы советской власти способствовала сама советская модернизация. Во-первых, советская иерархическая и авторитарная система управления удивительно легко вписалась в традиционную схему социальных отношений с ее двумя основными элементами – коллективистской солидарностью и безусловной лояльностью к «старшим» – родовым лидерам. На самом деле получился своего рода сплав традиционных и советских элементов, который оказался очень органичным и прочным. Во-вторых, традиционное самосознание позволяло сопротивляться некоторым аспектам советской модернизации, потенциально угрожавшим существованию привычного образа жизни, таким как атеизм, национальная ассимиляция. «Исторический многовековой опыт подтверждает исключительную внутреннюю устойчивость национальных общностей и свидетельствует, что всякое внешнее насильственное ограничение или ущемление их "самостоятельности", суверенности, не ослабляет внутренних сил этой устойчивости, а в конечном счете, усиливает»[1].

Хотя на уровне повседневной жизни такой тип самоидентификации, в основе которого лежит существование родов и субэтносов, имеет определенное значение, в то же время, как нам представляется, каждый член этих родов считает себя и представителем своей

[1] *Громов Ю.А.* Диалектика межнациональных отношений // Истины и ценности на рубеже XX – XIX вв. М., 1992. С. 60.

единой нации, и гражданином своей республики, и мусульманином (или хотя бы этнически принадлежащим к исламскому миру). Интересно, что религиозная природа субэтноса также являлась объединяющим фактором.

В конце 20-х – начале 30-х гг. в этнологии утверждалось марксистское мировоззрение, в результате чего этнология стала этнографией. Тем самым фактически запрещалось проводить теоретические изыскания в области народоведения (сфера интересов этнологии), позволялся лишь описательный метод – рассмотрение сходства и различий между народами, этносами, их облик, традиционная специализация и т. п.

Первые изменения стали проявляться лишь после Великой Отечественной войны, когда требовалось обратить особое внимание на появившиеся социалистические государства в Европе, и позже, в связи с развертыванием национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. После войны изменились и были зафиксированы новые границы СССР, шло создание новых областей, районов, шло восстановление упраздненных в годы войны автономных республик, началась реабилитация депортированных народов и т. д. Практически все административные образования были полиэтническими, и регулирование межэтнических отношений оставалось постоянной проблемой. Шло становление национальных кадров в союзных республиках, наблюдался рост национального самосознания.

На XX съезде КПСС межэтническим отношениям был посвящен специальный раздел доклада. После съезда наблюдается процесс взаимодействия этнографии, социологии и тех областей общественных наук, которые занимались религией (атеизм, научный коммунизм). Общественно-политические науки, изучающие этнические процессы и их взаимоотношение с религиозным фактором, стали развиваться в СССР с конца 60-х гг. До этого времени сложно говорить об этих направлениях, поскольку они фактически были под запретом.

В 70 – 80-х гг. продолжалось изучение социально-политических условий в стране, этнокультурная специфика, образ жизни горожан и селян, производственные коллективы и т. д. Однако социальный состав народов и население республик часто просто отождествлялись, и таким образом различия между этносами, проблемы их взаимодействия оказывались обойденными вниманием. Ученые стремились показать достигнутые успехи в формировании нового советского человека, выявить инновации в культурном, интеллектуальном и других направлениях[1]. Большое внимание уделялось этноязычным иссле-

[1] См.: *Холмогоров А.Н.* Интернациональные черты советских наций. Рига, 1972.

дованиям, поскольку многие экономические, социальные, политические и прочие процессы были тесно сопряжены с расширением русскоязычной зоны в национальных регионах[1]. С конца 70-х гг. стали активно проводить соответствующие исследования местные кадры ученых во многих регионах страны: в Грузии, Армении, Эстонии, Латвии, Литве, Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, Киргизии, а также Татарской, Удмуртской, Башкирской АССР, других регионах. Следует отметить, что в северокавказских республиках подобные работы были немногочисленны.

Шло изучение больших общностей и групп с точки зрения уровня образования, культурных ориентации, традиционализма, различия между городским и сельским населением. Большие успехи были достигнуты в изучении народов Севера и Дальнего Востока, Средней Азии, Поволжья. Например, О.И. Шкаратан изучал национальные процессы в Татарской АССР, в Узбекистане и других регионах[2].

Должное внимание обращалось на процессы в малых социальных группах – в семьях, родственных группах[3]. Важным фактором сдерживания этноконфессиональных процессов (в том числе миграций) в СССР были специфические, собственно этнокультурно обусловленные причины: для народов Средней Азии – незнание русского языка, для кавказских народов – традиции семейной жизни.

Следует отметить, что в то время религиозным и этническим процессам, а также их взаимосвязи уделялось недостаточно внимания. Лишь редкие книги были посвящены этим темам, еще реже можно было встретить проблемные, направленные на перспективу исследования[4]. Проблема межэтнических отношений в советской науке определялась как «межнациональные отношения», причем их проблемность была нивелирована до уровня «развитие, углубление социалистического образа жизни», «предрассудки царского периода» и т. п. Нельзя сказать, что ученые не ощущали роста уровня этнической идентичности, национального самосознания и подспудных межнациональных трений. Эти процессы объяснялись дальнейшими успехами в образовании, увеличении численности национальной интеллигенции и т. п.

В книге «Социальное и национальное» изучалась социальная структура народов с анализом «внутриклассовых» изменений, выяс-

---

[1] См.: *Губогло М.Н.* Современные этноязыковые процессы. М., 1984; Современные этнические процессы в СССР / Под ред. Ю.В. Бромлея. М., 1975.

[2] См.: НТР и национальные процессы / Отв. ред. О.И. Шкаратан. М., 1987.

[3] См.: Социальное и национальное. М., 1978; Социально-культурный облик советских наций. М., 1986.

[4] См.: Опыт этносоциологического исследования образа жизни / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1980.

нялись темпы межпоколенной и внутрипоколенной мобильности (в частности у татар)[1]. Из других известных работ следует назвать исследование «Социально-культурный облик советских наций»[2], «Историко-социологический очерк межнациональных отношений» Л.М. Дробижевой[3] и др.

В советское время этнос и все, что было связано с этим понятием, соотносился с так называемым национальным вопросом, религия – с атеизмом; эти области знания были в ведении партийных функционеров. На изучение политической системы, развитие институтов общества и государства был наложен запрет. Такое недальновидное решение руководителей партии и государства позже вылилось в нарастание напряженности между народами, трениями на межкультурном уровне, что стало сказываться на управлении единым государством и в итоге оказало отрицательное воздействие на политическую стабильность, целостность государства.

Преобладало мнение, что «судьбы наций в значительной мере решаются в результате развития и направленности общих социальных процессов изменения общественных отношений, социально-территориальной мобильности народов, интенсивности и глубины межнациональных и социальных контактов»[4]. В советских обществоведческих науках можно выделить два основных направления в изучении общества: институциональный (межреспубликанский)[5] и межгрупповой, межличностный.

Ситуация стала изменяться в связи с развитием этносоциологии и религиоведения (вместо атеизма и научного коммунизма), которые, в свою очередь, создали базу для становления политологии с этническим и религиоведческим компонентами. Столь быстрое развитие новых обществоведческих и человековедческих дисциплин было обусловлено, прежде всего, колоссальными изменениями в Евразии, падением коммунистических режимов в странах Восточной Европы, коллапсом СССР, ломкой биполярного мира, ростом глобального терроризма, этнического сепаратизма и религиозного фундаментализма.

---

[1] См.: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1972.

[2] См.: Социально-культурный облик советских наций: (По материалам этносоциологического исследования). М, 1986.

[3] См.: *Дробижева Л.М.* Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981.

[4] Социально-культурный облик советских наций: (По материалам этносоциологического исследования). С. 16.

[5] См.: *Дробижева Л.М.* Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981.

Изучением этнических процессов занимается этнология, которая исследует множество вопросов, среди которых можно выделить следующие[1]:

– как человек воспринимает окружающий мир, насколько гибко его мировоззрение к изменению этого мира?

– как на эти процессы влияет межкультурное взаимодействие, особенно актуализировавшееся в связи с глобализацией?

– что в сознании членов этноса в любых обстоятельствах остается неизменным, что видоизменяется?

– какова роль религии в сохранении или трансформации моделей поведения, коммуникации и взаимодействия в кризисные периоды?

– какова роль этнических факторов в сохранении стабильности государства? и т. д.

Этнология все активнее вторгается в область интересов других наук, вовлекает их в решение совершенно новых, порою неожиданных задач. Неудивительно, что имеется и такое определение этнологии: «Это – сравнительная дисциплина; ее цель описать культурные (а изначально, и физические) различия между народами и объяснить эти различия посредством реконструкции истории их развития, миграций и взаимодействий. Термин "этнология" происходит от греческого слова этнос, народ, связанный общими обычаями, нация»[2].

В последнее время такой взгляд на этнологию становится все более распространенным. Согласно «Краткому этнологическому словарю», «в узком понимании, этнология – теоретическое народоведение, в отличие от описательного – этнографии… основным предметом изучения этнологии является находящаяся в постоянном развитии теория этноса, определение принципов классификации народов и их субординации, а также методов и способов обработки эмпирического, фактологического материала»[3]. Далее в статье отмечается, что этнология тесно связана с археологией, антропологией, расоведением, геногеографией, религиоведением, общей историей, историей первобытной культуры, культурологией, фольклористикой, лингвистикой, языкознанием и другими дисциплинами.

Надо признать, что этнологические теории вполне применимы для объяснения событий, происходивших на территории Советского Союза в конце 80-х – первой половине 90-х гг. прошлого века.

---

[1] Термин «этнология» был введен в научный оборот в 1784 г. А. Шаванном. В первой половине XIX в. стали возникать первые этнологические общества: Парижское общество этнологии (1839 г.), Американское этнологическое общество (1842 г.) и др. В МГУ в 1925 – 1930 гг. существовал факультет этнологии.

[2] *Winthrop R.H.* Dictionary of Concepts in Cultural Anthropology. N.Y.; Westport; Connecticut; L., 1991. P. 101.

[3] Краткий этнологический словарь. М., 1994. С. 90 – 91.

В 80-х гг. в стране усиленно изучалась проблема самоопределения народов и национализма. Проводившиеся исследования показали рост этнических настроений в национальных республиках, определялись причины, тенденции, масштабность этих и подобных процессов. М.Н. Губогло принадлежит заслуга в развитии понятия «этническая мобилизация», в котором подразумевается процесс превращения этноса в определенную политическую силу со своими требованиями, лидерами и т. д.

Как считают ученые, подавляющее число политических и общественных движений в бывших союзных и автономных республиках и областях в составе России были псевдонациональными. От них выигрывала национальная элита. Так называемое нетитульное население в возникших государствах оказалось на бесправном положении, к власти пришла не демократия, а этнократия. Борьбу за привилегии для определенного этноса, за утверждение дискриминации по этническому признаку следует называть не национально-освободительной, а квазинациональной[1].

Благодаря знакомству российских политологов, обществоведов, социологов, этнологов с достижениями западной мысли в изучении конфликтного потенциала в сферах межэтнических и межконфессиональных отношений, в российской науке широкое распространение получили структурно-функциональные, поведенческие и иные теории, позволявшие анализировать состояние и предполагать перспективы развития ситуации в различных регионах страны[2]. Ученые стали заниматься комплексными исследованиями – например, этнические проблемы изучались в связи с экономическими трудностями, борьбой за обладание ресурсами, требованиями восстановить «историческую справедливость» и т. п. Появились новые направления – конфликтология, политология, религиоведение и др.

Ряд аналитиков обозначают конец XX – начало XXI в. как эру национализма и «конфликта цивилизаций» и отмечают, что этнические и религиозные конфликты будут все более расширяться и приобретать новые формы и тенденции. Западная обществоведческая наука либо не в состоянии оказывать влияние на лидеров государств и, соответственно, на массы, либо не может адекватно прослеживать, прогнозировать и давать рецепты по контролю над негативными процессами в этнической и религиозной сферах жизни общества.

---

[1] См.: *Семенов Ю.И.* Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научные дисциплины // Этнографическое обозрение. 1998. № 2.

[2] См.: *Аклаев А.* Этнополитические конфликты до и после августа 1991 г. // Россия сегодня: трудные поиски свободы / Отв. ред. Л.Ф. Шевцова. М., 1993; Конфликтная этничность и этнические конфликты / Отв. ред. Л. Дробижева. М., 1994.

Общеизвестно, что на Западе большое влияние на становление социальных, философских и других дисциплин оказали работы, в которых современность трактуется как «закат Европы» и «кризис прогресса».

Западные теории и западный опыт должны применяться к российским условиям с учетом местных особенностей. Нельзя забывать, что главное условие для их использования – гражданское общество и стабильное государство, т. е. понятия, которые не вполне применимы для характеристики нашей страны. Ученые отмечают, что если на Западе за сотни лет демократических процессов выстроена стабильная система социально-политических и духовных противовесов, то в России, начавшей кардинальные преобразования более 20 лет назад, таковых не было, по крайней мере, последние 90 – 100 лет.

Работы последних лет – разные по содержанию, наполнению фактическим материалом; есть отдельные проблемы и в отношении теоретико-методологической базы, глубины понимания процессов и явлений и т. п. Понятно одно: следует повернуть от идеологизированной схоластики к исследованиям, в которых должны приниматься во внимание и использоваться достижения зарубежных общественных наук, находить должное применение статистическая, социологическая и иная информация.